

© 2009 г.

Николай Петраков

академик РАН

руководитель экономической секции ООИ РАН

директор Института проблем рынка

ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИИ

В последнее время широко обсуждается вопрос о том, прошла ли экономика России точку максимального падения после шока 2008 года. Значительная часть руководителей экономического блока правительства Российской Федерации дает оптимистический ответ. Прекращение резкого спада производства, стабилизация и даже некоторое оживление на биржевых рынках России и мира, эфемерное укрепление курса рубля, почти полное отсутствие социальных потрясений несмотря на высокую безработицу и невыплаты заработной платы – все это подается как платформа для начала экономического подъема. Если все это так, то «пожарная команда», преодолевающая кризис (и во многом повинная в его обострении в нашей стране) может считать свою задачу выполненной. Не производя никаких структурных изменений в экономике, не продвинувшись по пути модернизации на базе высоких технологий, не развивая производственную инфраструктуру, оставаясь на «нефтяной игле», можно ли говорить о выздоровлении народного хозяйства? Оптимизм нынешнего экономического блока правительства основывается почти исключительно на том факте, что мировые цены на нефть составляют порядка 70 долларов за баррель при себестоимости 10-15 долларов.

Смею утверждать, что такая позиция весьма уязвима. Опять идет процесс затыкания дыр. Нет стратегии преодоления внутренних причин, приведших к возникновению кризиса. Нет серьезных подходов к созданию реальных механизмов, позволяющих действительно создавать условия для диверсификации и модернизации экономики. А если таких механизмов нет, то лучшие намерения превращаются в благие пожелания.

Антикризисная программа должна носить стратегический характер, определять экономическую политику на длительную перспективу, предусматривать комплекс мер, предотвращающих повторение новых кризисных ситуаций. Надо устранять причины, а не только последствия обвала экономики. В противном случае российская экономика будет хронически предрасположена к повторению разрушительных кризисов.

Вспомним 1998 год, августовский дефолт по государственному долгу с последующей девальвацией рубля и крушением банковской системы. Перед началом коллапса власти долгие годы искусственно удерживали курс доллара в пределах 6 рублей, позволяя резидентам, а затем и нерезидентам участвовать в финансовой пирамиде государственных краткосрочных облигаций (ГКО) и тем самым надувать пузыри сверхдоходов для коммерческих банков. Все это лопнуло в течение нескольких дней.

В 2008 году искусственная капитализация частных и государственных корпораций за счет спекулятивного вздутия мировых цен на энерго-ресурсы «испарилась» за одну неделю. России удалось избежать тотального дефолта путем использования изъятого из реальной экономики стабилизационного фонда для удержания на плаву «системообразующих» банков. Но золотовалютных резервов для стабилизации курса рубля явно не хватает.

Произошло все это потому, что после кризиса 1998 года, за исключением краткого периода пребывания у власти правительства Е. Примакова в конце 1998-го – начале 1999 года, осуществлялась почти такая же экономическая политика, как и до 1998 года. Это, прежде всего, ориентация на монопродуктовый экспортный сектор (нефть, газ), возрастание доли импорта в потребительском секторе, падение курса рубля (от 30 до 23 рублей за доллар) при инфляции на российском рынке, в три-четыре раза превышающей инфляцию в развитых западных странах.

Перед тем, как переходить к конкретным предложениям, хотелось бы остановиться на схожих чертах кризисов 1998-го и 2008-го годов. Их общая черта – вздутие финансовых пузырей. В первом случае после построения пирамиды ГКО ее поддержание требовало непрерывного повышения рентабельности инвестиций для привлечения новых их объемов. И в результате доходность ГКО и объемы выплат по ним росли до того момента, пока государство попросту не оказалось банкротом, объявив дефолт по госдолгу. При этом отправной точкой для построения системы ГКО стала идея отказа от финансирования дефицита федерального бюджета Центральным банком, поскольку считалось, что именно такое финансирование приводит к ослаблению рубля и инфляции.

В нынешнем виде ситуация была иная. В течение нескольких лет мы снимали сливки с мирового роста цен на энергоносители. На самом деле позитивных сдвигов в реальной экономике не происходило, компании просто привлекали огромные средства под планируемый большой доход. А реальный рост производства того же «Газпрома», например, был в среднем за последние годы 1,3% за год, что несравнимо со стремительными темпами роста капитализации и объема долга компании.

Правда, девальвация, которая произошла и тогда, и сейчас, в последнем случае не подкреплялась дефолтом и крахом банковской системы. Поскольку в течение нескольких лет накапливался стабилизационный фонд, вброс этого стабфонда в системообразующие банки оставил эти банки на плаву; если же вспомнить 1998 год, то многие крупнейшие банки тогда обанкротились.

Однако, проблема в том, что стабфонд был создан довольно странным образом. На самом деле бюджетные категории – это балансовые категории, и ни в одной стране мира никогда бюджет не был с таким профицитом, как у нас в течение последних трех-четырёх лет. Он доходил до 3,8 трлн рублей.

Эти сверхдоходы переводились в западные финансовые структуры и оседали в них. Таким образом, официально санкционировался государственный вывоз российского капитала за пределы страны.

Деньги на внутреннем кредитном рынке страны дорожали, и инвестиции в диверсификацию экономики сокращались. В основу этой стратегической линии был положен тезис (выдаваемый за аксиому), согласно которому народное хозяйство России не может освоить полученные доходы и поэтому лучше всего их копить и откладывать на черный день. В действительности инвестиционных проектов в России достаточно много, и корпорации и банки вынуждены были брать кредиты у западных банков. К началу 2009 года задолженность корпоративного и банковского сектора составила 497,7 млрд долларов. При этом обслуживание долга в 2009 году составит: выплаты по основному долгу – 114,1 млрд долларов, по процентам 22 млрд долларов. Итого – 136,1 млрд долларов.

При этом многие компании привлекали средства западных кредиторов под залог акций предприятий с государственным участием. Получился некий аналог «залоговых аукционов», которые в свое время привели к потере государством значительной части общенациональной собственности. Ныне вторая волна залоговых аукционов может подорвать материальную базу национальной безопасности России.

Сделав эти замечания, перейдем к конкретным предложениям по созданию механизмов антикризисной политики.

Организация инвестиционного процесса. Создание системы «длинных» денег. Безусловно, для создания мобилизационной рыночной экономики главное – организация инвестиционного, инновационного процесса. Но наше государство практически самоустранилось от прямого бюджетного финансирования конкретных проектов. В списке остались фундаментальная наука и некоторые закрытые проекты оборонного характера. Может быть, это и правильно. Финансирование инвестиционных проектов – это прежде всего функция банковской системы. Однако в ра-

боте этой системы есть сбои. Государство и население дают коммерческим банкам деньги, которые можно вложить в реальную экономику, можно на них купить валюту и направить ее в западные финансовые структуры, а можно через залоговые аукционы на государственные деньги приватизировать, например, «Норильский никель» и другие объекты общенационального достояния.

Все это естественно в той мере, в какой коммерческим банкам нужна маржа, прибыль от денег, а не от товара. Поэтому они по экономической природе равнодушны к инвестициям в реальную экономику. Но ведь в каждой цивилизованной стране существуют банки долгосрочного инвестиционного развития. Они работают в ином, отличном от коммерческих банков кредитном режиме. Главное в нем – целевое кредитование. Такие кредиты направляются в инфраструктуру, создание гидростанций, космических проектов, решение проблем наследственности и смежные сферы здравоохранения и т.д.

Целевые кредиты нельзя использовать на валютных биржах и в спекуляциях акциями. Они выдаются и, главное, оплачиваются под конкретный проект. Заемщик не имеет живых денег. Он заказывает подрядчикам конкретные работы и материалы и отсылает их счета в банк долгосрочного развития. Если банк сочтет эти работы соответствующими инвестиционному проекту, он их оплатит. К сожалению, в России система целевого долгосрочного кредитования находится в зачаточном состоянии.

Но созданием системы долгосрочного кредитования проблема оживления инвестиционного процесса не ограничивается. Есть более глубокая проблема инвестиционной политики, тесно связанная с методами борьбы с инфляцией. Имеется в виду общий подход к проведению процентной политики и регулированию ставки рефинансирования Центральным банком. Этот вопрос имеет и серьезное теоретико-методологическое значение.

Концептуальной позицией наших монетаристов была и есть идея максимального сдерживания денежной массы как основного рычага борьбы с инфляцией. Эта позиция заключается в следующем: меньше денег у потребителя – ниже цены у производителя. Но деньги – тоже товар. Сокращение денежной массы ведет к дефициту и удорожанию денег. Проценты по кредитным ресурсам растут. Особенно, если частные капиталы и государство активно выводят свои доходы из страны. Предприятия вынуждены брать кредиты не только на инвестиции, но и на оборотные средства (которые обесценились в первые месяцы реформ) под высокие проценты. Но эти проценты, естественно, включаются в цены товаров и услуг, и их должны оплачивать потребители. Даже если у потребителей нет денег, цены отнюдь не снижаются. Предприятия или сокращают производство, или разоряются. Именно это мы видели в девяностые годы,

когда производство упало на 30-40 процентов, а некоторые отрасли обрабатывающей промышленности практически вообще исчезли. А инфляция колебалась от 839 процентов в 1993 году до 21,8 процентов в 1996. Ставки же Центрального банка в эти годы колебались от 185 до 104 процентов. Сейчас при некоторой стабилизации ставка ЦБ в период кризиса дошла сначала до 13 процентов, а потом понизилась до 10. Коммерческие банки предоставляют кредиты реальному сектору под 15-20 процентов, а инфляция держится в рамках 13-12 процентов. Дорогие деньги рожают высокие цены.

Мировой опыт и, в частности, опыт США, показывает, что в течение многих лет ставка рефинансирования Федеральной резервной системы США не превышала 3-5 процентов. Инфляция в эти же годы колебалась от 1,6 до 5 процентов. В период кризиса ФРС опустила ставку рефинансирования до 0,25 процента. Наступил период дефляции, роста покупательной способности потребителей. Это было сделано резко, и эффект пришел незамедлительно. Аналогично поступила и Западная Европа. В России же вопреки этому опыту снижение процентной ставки Центрального банка происходит с раскачкой, рассчитано на длительный период. Вот, мол, снизится инфляция, тогда и снизим ставку рефинансирования. На самом деле все наоборот! Недорогие кредитные ресурсы стимулируют оживление производства, поощряют инновации, развитие среднего и мелкого бизнеса, делают его продукцию более доступной потребителю. Поэтому ставку по кредитным ресурсам ЦБ России должен срочно понизить до 4-5 процентов.

Антимонопольное регулирование. Перейдем теперь к другой, не менее важной проблеме. Миной замедленного действия, подготавливающей экономический кризис, является супердоходность определенных товаров или видов деятельности. Это прослеживается и на мировом, и на российском уровне. 20 Января 2001 года – года вступления Буша-младшего в должность президента США – цена барреля нефти на мировом рынке составляла 22 доллара. Что могло произойти в нормальной, ориентированной на нефтяной экспорт, экономике, если к июлю 2008 года эта цена выросла в шесть с половиной раз? Ответ: экономика деградировала в суперспекуляцию. От нефтяных цен все пошло по цепочке. И вот уже цена квадратного метра жилья в Москве превышает в три-четыре раза его себестоимость. Таковы последствия спекулятивной экономики. Конечно, все это рано или поздно, но лопнет.

Я считаю, что единственный способ борьбы с подобными пузырями – жесткое антимонопольное регулирование. Когда мы говорим о преимуществах рыночной системы, мы забываем, что как только некоторая область рынка становится монопольной – это уже не рынок. Я считаю,

что если говорить о вмешательстве государства, то государство должно решительно стоять на защите конкурентного рынка. А у нас же в огромном числе секторов есть один продавец. Это не рынок, это монополия. И искусственная она или естественная – вопрос уже не столь важный.

Поэтому для борьбы с нарастающими кризисными явлениями необходимо кардинально изменить характер функционирования антимонопольных структур. В настоящее время они в основном занимаются поиском фактов ценового сговора между отдельными предприятиями и компаниями. Однако опыт формирования не только естественных, но в первую очередь искусственных монополий показывает, что завышенная монопольная цена может возникать отнюдь не на базе соглашений между продавцами. Выдавливание конкурентов из регионов и отраслей зачастую происходит в форме «дружественного поглощения» и других мягких или жестких приемов рейдерства.

Главный же показатель монополизма – это получение сверхприбыли. Необходимо юридически закрепить понятие нормальной рентабельности, включающей в себя не столько бонусы топ-менеджерам, сколько расходы на инновации, повышение качества и снижение издержек выпускаемой продукции и услуг. Вся остальная сверхприбыль должна поступать в карман потребителей путем принудительного снижения цен под угрозой разорительных штрафов со стороны государства. В этом коренной смысл борьбы с монополизмом и нагнетанием кризисных явлений в экономике.

Создание рабочих мест. Еще одним фундаментальным блоком стратегической антикризисной программы должно быть государственное стимулирование создания новых рабочих мест. Именно государство разрушило систему подготовки трудовых резервов, производственно-технических училищ. Частный бизнес пока не может (или не хочет) финансировать эту систему. Поэтому значительная часть активного трудоспособного мужского населения оказалась в частных охранных предприятиях, а дешевая малоквалифицированная рабочая сила привлекается из ближнего зарубежья.

Организация подготовки высококвалифицированной рабочей силы, естественно, должна лечь на плечи государства. Оно же должно обеспечить условия для межрегиональной миграции трудовых ресурсов. Однако правительственные чиновники зациклились на ипотеке, на обременении каждой семьи (в том числе и молодой) собственностью на жилье вместо внедрения широкой арендной системы на рынке жилья. Такая политика привязывает население к конкретным регионам, ведет к росту безработицы в кризисных ситуациях.

Отмечу также, что проблема создания новых рабочих мест самым тесным образом связана с решением проблем монополизма, о которых

говорилось выше. Нынешняя структура производства ограничивает возможности обеспечения населения рабочими местами. Например, наша металлургия сосредоточилась на производстве чушек и слябов для экспорта, но не проката. И сейчас она не в состоянии запустить подобное производство – оно неконкурентоспособно даже на внутреннем рынке.

И, наконец, для преодоления последствий экономического кризиса в России необходимо резко повысить профессионализм нашего менеджмента. Наш средний и высший менеджмент не обладает навыками стратегического управления в условиях конкуренции. Он ориентирован на достижение текущих результатов. Аналитические службы корпораций и банков не способны к серьезной аналитической работе. Зачастую фетишизируются оценки западных рейтинговых агентств, что приводит к серьезным просчетам и потерям. Банки и корпорации должны резко изменить стиль и методы работы менеджмента для обеспечения выхода из кризисной ситуации.

Налоговая политика. К перечисленным фундаментальным антикризисным мероприятиям следовало бы добавить переход к более гибкой налоговой политике. Налоги должны носить не только фискальный, но и стимулирующий характер. Например, поскольку одной из целей государства должно быть стремление к созданию новых рабочих мест, необходимо было бы путем повышения налогов на природные ресурсы стимулировать развитие фаз переработки. Возможны также снижение или отмена налогов на ту часть прибыли, которая идет на инвестиции. Во всех странах такая практика существует, как и схемы, при которых на сырьевые товары налоги повышаются, а на высокотехнологическую продукцию снижаются. Эта политика стимулирования очень важна. Нужны и ограничительные налоги на табак и ликероводочные изделия, призванные ограничить их потребление, что также практикуется во многих странах.

В условиях борьбы с кризисом необходимо обеспечить налоговые каникулы для малого и среднего бизнеса и для наукоемких производств.

Комплексная реализация вышеперечисленных мероприятий может стать основой долгосрочной системы бескризисного экономического развития России.
